

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ/RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.163.35>

АВТОРИТАРНОЕ СОЗНАНИЕ В АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ СЮЖЕТА «ИСПЫТАНИЯ ЛЮБОВЬЮ» В ПОВЕСТИ «ВАМ И НЕ СНИЛОСЬ» Г. ЩЕРБАКОВОЙ

Научная статья

Свitenko Н.В.^{1,*}, Чотчаева М.Ю.²

¹ ORCID : 0000-0001-9590-5483;

¹ Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

² Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (svitenko[at]list.ru)

Аннотация

Ценностно-онтологическая методика анализа текста позволяет уточнить параметры аксиосферы авторитарного сознания. Внешний сюжет (любовь школьных Ромео и Джульетты) является катализатором, проявляющим ценностную основу каждого из героев. Семейные кланы представлены образами двух мам, обладательниц авторитарного сознания, социально-ролевая, возрастная паритетность подчеркивают разницу ценностных приоритетов. Авторская задача не только по-шекспировски примирить две семьи, но и показать читателю тайный генезис габитуса двух героинь: повесть разворачивает скрытый детерминизм, внутренние причины, обуславливающие внешние проявления, материализующиеся в образах, ценностную арматуру, экспонирование и развертывание ценностного «зерна» личности». Зеркальная симметрия композиции повести позволяет увидеть разницу этических потенциалов двух обладательниц «мы»-сознания.

Ключевые слова: отечественная проза для подростков, «Вам и не снилось» Г. Щербаковой, авторитарное сознание, архетип матери, художественная аксиология.

AUTHORITARIAN CONSCIOUSNESS IN THE AXIOLOGICAL PERSPECTIVE OF THE PLOT OF "TRIALS OF LOVE" IN THE G. SHCHERBAKOVA'S STORY "COULD ONE IMAGINE"

Research article

Svitenco N.V.^{1,*}, Chotchaeva M.Y.²

¹ ORCID : 0000-0001-9590-5483;

¹ Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

² Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russian Federation

* Corresponding author (svitenko[at]list.ru)

Abstract

The value-ontological method of text analysis allows to clarify the parameters of the axiosphere of authoritarian consciousness. The external plot (the love of school Romeo and Juliet) is a catalyst that reveals the value basis of each of the characters. The family clans are represented by the images of two mothers, bearers of authoritarian consciousness, while social role and age parity emphasise the difference in value priorities. The author's task is not only to reconcile the two families in a Shakespearean manner, but also to show the reader the secret genesis of the habitus of the two heroines: the story unfolds hidden determinism, internal causes that condition external manifestations, materialising in images, value reinforcement, exposure and deployment of the value "core" of personality. The mirror symmetry of the story's composition allows to see the difference in the ethical potential of the two possessors of "we" consciousness.

Keywords: domestic prose for teenagers, "Could One Imagine" by G. Shcherbakova, authoritarian consciousness, mother archetype, artistic axiology.

Введение

«Любовь — это когда двое (множество) узнает, что оно одно, единое» [1]. Внешний сюжет — любовь школьных Ромео и Джульетты, внутренний — человеческая суть близких, для которых эта любовь является катализатором и «проявителем», в ее осознании. Семейные кланы представлены двумя мамами: «вот вам две мамы, два отношения к детям». Для авторитарного модуса ментальности характерно иерархическое восприятие мира. Обе мамы в сюжете — обладатели авторитарного сознания, социально-ролевая, возрастная паритетность подчеркивают разницу ценностных приоритетов. Сюжетная коллизия проявляет ценностную основу каждой из героинь. Авторская задача не только по-шекспировски примирить две семьи, но и показать читателю тайный генезис габитуса двух матерей, женщин.

Цель исследования — выявление семиозиса и ценностных ориентиров авторитарного сознания, позволяющих охарактеризовать мотивацию поведения и поступков героев современной отечественной прозы для подростков.

Материалом исследования послужила повесть «Вам и не снилось» Г. Щербаковой (1979), в которой художественно убедительно презентированы герои, обладающие авторитарным сознанием.

Методы и принципы исследования

Инструментарий сравнительно-типологического метода исследования позволяет определить доминантные особенности авторитарного сознания, а методика аксиологического анализа — сделать выводы о способах художественной манифестиации ценностной парадигмы персонажей, обладающих «мы»-сознанием.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых, в которых рассматриваются генезис и семантика авторитарного сознания в философии и литературоведении (Фромм [8], Тюпа [5], [6], [7]); специфика архетипа матери в гуманитарном знании (Юнг [10]; Исупов [2], Свитенко [4]); аксиологическая методология в литературоведении (Миннуллин [3]).

Основные результаты

Проблемное ядро повести «Вам и не снилось» Г. Щербаковой центрировано не на взаимоотношениях школьных Ромео и Джульетты — Роман увидел и сразу узнал свою «суженую» (определенную, назначенную судьбой), когда она молилась телеграфному железному столбу — все понарошку, она по-настоящему, всерьез (так Борис в «Грозе» Островского полюбил Катерину в церкви, где все — «и себя показать, и других посмотреть», а Катерина — без кокетливого, лукавого любования собой исподволь, вся целиком в моменте, сконцентрирована на молитве). Сюжет повести «активирует» исследование родовой аксиологии — главный удар Ромка получает не об землю, прыгая с третьего этажа, а «об предательство» любимых им близких — мамы и бабушки, которым герой-подросток безоглядно доверял. Напомним, что предатели — это «обманувшие доверившихся», по классификации Данте, пребывают в последнем, девятом круге ада, ближе всего к его «управляющему».

В начале повести Вера, мама Ромки, клуша с «одной функцией — вырастить дитя», «одухотворенная девочка, спрятанная в шестипудовом теле». Людмила, мама Юльки — «выхоленная» дама, одетая «во все заграничное». Казалось бы, одна красива и любима, другая — нет, такая несправедливость и обделенность судьбой. Но вовсе нет, повесть разворачивает скрытый детерминизм, внутренние причины, обуславливающие внешние проявления, материализующиеся в образах, ценностную арматуру, экспонирование и развертывание ценностного «зерна» личности по принципу музыкального «зерноразвертывания».

Только на первый взгляд кажется, что Вера самоотверженно и фанатично несет свой материнский крест — удерживают распадающийся, обваливающийся образ рода, семью, а Людмила — воплощение женского «инстаграмного» эгоизма. Развитие сюжета заставляет героинь пересмотреть свои взгляды на отношения детей, а читателей — на суть обеих мам.

Зеркальная симметрия композиции повести позволяет увидеть разницу этических потенциалов двух обладательниц авторитарного сознания. В первом приближении, при поверхностном взгляде на ситуацию обе мамы реагируют шаблонно, опираясь на эмоционально-смысовой шлейф личных впечатлений от знакомства с фигурантами семей Юльки и Романа. Сначала мама Юльки отсыпает дочь к сестре в приморский город Мелитополь, прося «поддержать ее подольше», в надежде, что «с глаз долой — из сердца вон». Ромка бесконечно звонит в дверь Юлькиной квартиры, раздраженная соседка пытается выяснить, кто он — «дебил или жулик», и Ромка, примирительно согласившись, что «дебил», выясняет, в какой город отправили его возлюбленную, продолжает безрезультатные поиски в Мариуполе: «летом они так и не встретились».

Двигатель Веры — негативное авторитарное сознание — пафос жертвы, гордыня самоуничтожения, ложная жертвенность — непонимание сути любви, которая ей не дана как благодать и не обретается в жизненном опыте — умение понять другого, сострадать, смирить свое «я» — мстительная, ревнующая авторитарная мать. Дело не в том, что Вера «тривиальна, как шлагбаум» или «табуретка» — она легко поддается влиянию. Ограниченност, тривиальность — негативный полюс авторитарного сознания демонстрирует «банальность зла»: бесхребетные, «несамостоятельные» обыватели которые неизменно подчиняются ложным авторитетам. Вера подчиняется авторитету рода — копирует регressive формы поведения, откровенно губительные привычки и жизненные выборы. У авторитарного сознания нет личного встроенного индикатора добра и зла. Вера подчиняется авторитету группы, считает правильным и допустимым то, что принято в ее семье.

Негативное авторитарное сознание не приемлет свободы, она сама всегда подчиняется раз и навсегда избранной доминанте — будь то узко и однозначно понятый моральный долг или гипертрофированное «я».

Типичным проявлением губительных свойств «зазеркальной» стороны авторитарной ментальности является агрессивность по отношению к другим, не чущим «закон». Агрессия проявляется в желании судить и карать. Психоаналитик диагностировал бы у героини «комплекс власти» — особую склонность к мышлению в категориях «господства-подчинения», «силы-слабости». Авторитарное сознание матери Ромки, преувеличивая значимость силы и «твердости характера», идентифицирует себя с наместником Всевышнего в данной конкретной семье. Образ будущего Веры, ее реванш, где она, «праматерь» рода, «отходит с бубенцами»: Вера в центре семейного мироздания, окруженная детьми и внуками.

Вера «до родов была очень стройная, очень гибкая. А как только где-то в ее глубине завязался Роман, вся ее красота стала разрушаться. ... Стоило приехать кому-нибудь из ленинградской родни, и эта тема конца не имела. Ни у кого не хватало такта молчать об ушедшей Вериной красоте. Говорили, говорили, говорили...» [9, С. 46].

У Веры «ушла» не только красота, но и тонкость понимания, сочувствие, умение различать добро и зло: героиня идентифицирует себя как «богиню материнства». Не случайно автор подчеркивает, что Вера не понимает любви, если нет физической близости («Вера свято верила, что все любови, которые не кончаются физической близостью, — дым, химера»), — такая нечувствительность к тонким планам бытия, отсутствие сложной картины внутреннего мира человека отчетливо дают понять разницу между уединенным «я-сознанием» и негативной авторитарной ограниченностью. Но эгоистка не Вера, эгоист — ее род с мутировавшей, ущербной системой ценностей, которому она слепо служит, проявляя авторитарное фанатичное подчинение, ибо, только слившись с родом, Вера чувствует себя состоявшейся. Негативный полюс «мы-сознания» явлен во всей полноте: примитивное мышление, упрощенное и

однозначное мировидение, переоценка значимости объективной физической реальности, абсолютная редукция «тонких планов» человеческого существования.

Авторитарная мать консервативна — маниакально предана семейным ценностям. Но об этих ценностях стоит сказать отдельно. «Лена, сказала бабушка. Ты знаешь нашу семью. Лена знала» [9, С. 77]. Верину семью отличала убийственная всепоглощающая уверенность в правильности своей жизни и своего предназначения — «то есть ни грамма сомнения ни в чем! <...> Большая квартира была олицетворением этого удручающего оптимизма. Центром семьи была бабушка, вернее, мать. У бабушки в жизни было одно слабое место — Вера. Младшая дочь жила не так активно, как хотелось бы бабушке. Переехали бы они к нам... и мы бы быстро вернули им эликсир молодости. Вы знаете, когда я у них, Костя просто поднимается их праха... А Ромасик ходит колесом от радости...» [9, С. 66–67]. Авторитарная мать не может пребывать в одиночестве — ей необходим «другой» для разрядки подавляемых, сдерживаемых импульсов. «Теневой» удар негативной авторитарности приходится на любую ярко выраженную субъектность: это выражается в стремлении подавить свободу мышления, творчество, фантазию, подменить их мировоззренческими шаблонами, языковыми клише, массовыми стереотипами.

Реконструкция хтонического аспекта архетипа матери (напомним, что хтоническое в данном контексте — своеобразная тавтология, так как первоначальные возвретия на хтоническое оформлялись в образе Матери-Земли — одновременно и основы всего сущего, и его могилы) приближаются к трактовке авторитарной личности, сделанной Э. Фроммом в работе «Бегство от свободы» [8]. В типологии Фромма в едином образе сливаются и мазохистский и садистический компоненты авторитарного психотипа, а в сюжетной ситуации, где доминирует авторитарная мать, эти компоненты расщепляются: авторитарное подчинение — преувеличенная, всепоглощающая страсть к подчинению, раболепное преклонение, некритическое отношение к властующему — удел детей или близких, принимающих мать единственным детерминантом собственной судьбы. Те же, кто сопротивляется, — через проявление внутренней свободы, бунтарство, чудачество — обречены на самые серьезные испытания или гибель.

Архетипические полярности образа матери — жизнь и смерть. Архетип Матери несет в себе два начала: кормящей и дающей жизнь с одной стороны, лишающей чего-то, пожирающей — с другой. Амбивалентность заключена в чувстве любви-ненависти. В процессе расщепления архетипа его надличностные высокие качества могут пасть, превращаясь в «теневые» проявления. Так, архетип Матери, расщепляясь, «роняет» ряд качеств, меняя доброту и благородство на сентиментальность, истину на власть и всемогущество, волю на упрямство, энергию на агрессию, веру на фанатизм или суеверие, сострадание на жалость, спокойствие на инертность, мужество на безрассудность, терпение на безынициативность. Расщепившись, архетип матери превращается в «страшную мать», «заедающую чужую жизнь».

Чувство, проверенное временем, выводит героев на второй круг испытаний. Осознание мамами серьезности происходящего между подростками обнажает их внутреннюю сущность, заставляет принимать решения и совершать судьбоносные поступки. «Разглядев» силу и глубину чувства сына, Вера раскрывается с неожиданной для самоотреченного материнского служения стороны. Любовь сына вызывает острый приступ ненависти к нему: «Роман говорил спокойно, и чем дольше говорил, тем лучше у него было на душе, потому что была правда, ясность. И эта его душевная ясность не допускала мысли, что он может быть не понят, тем более кем — мамой». А мама Вера «ненавидела в эту минуту сына за то, что он серьезный и искренний, за все эти его идиотские моральные качества, которые заставляют его признаваться во всем. ... Вере стало мучительно себя жаль» [9, С. 57–59].

Суть решения проблемы «порочной» связи сына раскрывается в эпизоде выяснения причин перехода в другую школу и спешного отъезда Ромки в Ленинград бывшей учительницей русского языка и литературы. Разговор Татьяны Николаевны с мамой Верой демонстрирует апофеоз «тупейного ренессанса» негативного авторитарного сознания. Учительница «смотрела на ее прическу, на эти похожие на торт сооружения из лакированных, или, как говорят парикмахерши, «налаченных» колбасок с затвердело загнутой прядью на лбу. Тупейный Ренессанс. Символ жизненного благополучия. Апофеоз оптимизма. — Да что перед вами ломать комедию. Мы разыграли Ромку, чтобы только увезти отсюда. Он, наш дурачок, влюбился. Другая школа не помогла, они все равно встречались. Ну вот и пришлось придумать инсульт. А мама моя стара уже, стара... Наша маленькая ложь, может, и недалека от истины» [9, С. 67]. Фраза «Таню убила Верина родня. Убила их всепоглощающая уверенность в правильности своей жизни и своего предназначения» [9, С. 67] предваряет финальную катастрофу, где жертвой семейной самоуверенной наследственной полуправды станет внук.

Роман воспринимает «натюрморт с бабушкой» в гоголевской гротескной перспективе: «Огурец вырос до размеров большого кабачка и все тыкал, тыкал в него укропом. От розовой сердцевины говядины рябило в глазах. Значит, она не розовая — разноцветная? А тут еще пена от пива, густая, шипящая и горячая, как из бани, — почему?.. А бабушка уже властно стучала в дверь, и голос ее был уже без пива и мяса. ... Ты должен и будешь знать правду!» [9, С. 81]. Слово «правда» здесь стоило выделить курсивом: авторитарное сознание в его деструктивной версии всегда «пиарит» определенную версию реальности — «правду», как ее понимает конкретная семья в русле своей узкой и губительной полуправды («а Вера все накручивала, накручивала, «лачила» действительность, откуда столько слов взяла» [9, С. 69]). Позволить существовать многомерной реальности негативное авторитарное сознание не может — оно теснит ее в прокрустово ложе своей картины мира, жестко обрубая все, что непонятно, а значит неконтролируемо; в этом сознании не хватает ценностно-онтологической подвески — высоты видения реальности, внутренней гармоничной сложности, способной созидать.

Ложь — категория негативной аксиологии, атрибут «теургической» инициативы «богини материнства», служащей роду. Мать решается на прямой обман, и эскалация лжи неизбежно обрачивается трагедией. Ложь — поступок, активно меняющий обстоятельства жизни. Кротость, милосердие, сочувствие — инофомы добра, которое предвечно и субстанционально, именно эти ценностные приоритеты обуславливают отношение и поступки Людмилы. А ложь Веры и ее семьи сродни самообману: креативная, спасительная, с их точки зрения, ложь — иноформа зла, в какие бы

жертвенные одежды оно не ряжалось. Злу свойственна самоисчерпанность: «в моделях мира, где Зло оказывается в центре (романтизм, символизм), оно накапливает внутри себя энергию амбивалентных трансформаций. Зло в состоянии избытка захлебывается в собственной лжи и как бы меняет знак (в этом же векторе — эстетика ужасного у Бодлера, гротескная поэтика Гоголя и всей школы черного юмора). Самоисчерпание зла не превращает его в добро, а ложь в правду, но создает эту возможность в категории «блага» (горней ступени от зла к добру) и понятии истины» [2, С. 104]. Нарастание негативной аксиологии в ценностном матричном базисе семьи Веры приводит к трагедии — испытанный способ судьбы вытащить фигурантов сюжета из «слепой зоны» и узнать правду о себе и мире.

«А если все-таки Роман узнает? Да что вы! — засмеялась Вера. — Когда узнает — скажет спасибо. Для него же? Для него! Кабы это кому-то из нас было выгодно, а так ведь только ему. Разные Юли у него еще будут... И, даст бог, получше. А то если эта в маму, так пусть вам Костя скажет, что это значит...

Костя заерзal. А Вера засмеялась молодо, радостно и, взяв его по-матерински за ухо, передразнила:

— «Лю-ю-ся! Люсенька!» Это он как-то так кричал, — пояснила она Тане. — И через газон прыгал.

— Ну-ну, — пробурчал Костя. — Уж и прыгал.

А Вера держала его за ухо и, наклонив голову-торт, подмигивала Тане заговорщицки.

— Ромасика от этой семьи спасать надо было».

Совершив поступок, обусловленный «родовыми» ценностями, Вера действительно обрела себя, «кажется, в ней начинал взыгрывать и давать плоды наследственный оптимизм» [9, С. 69].

«Богиня материнства», «жена-торт», слеплена автором в технике «останов-ленного гротеска», как в кошмарном сне Ивана Федоровича Шпоньки, где множится «жена-материя», сосватанная «тетушкой-колокольней». Вера оборачивается авторитарной «страшной» матерью и для мужа — «Вера второй раз за такое короткое время испытала жгучее чувство ненависти — теперь к мужу»: теневой архетип приступает во внешности героини. «Богиня материнства» — запрос на большую форму, которой нужно внутренне соответствовать, нужно чем-то заполнять. В идеале эта форма осваивается любовью. Но когда форма много больше содержания, пустоты заполняются тем, что составляет суть человека и проживается автоматически. Внутренне мизерная, ресентиментная (живущая страхом, обидой, ревностью, завистью, чувством вины перед невыполненным родовыми обязательствами на передовое мажорно-оптимистическое бытование), Вера заполняет форму физически: внутренняя грубость, непробиваемость внешне проявляется как грузность и «носорожья толстокожесть».

В письме одноклассницы Алены, влюбленной в Ромку, родителей задевает только то, что касается их личных внутренних проблем — сын, его ситуация, чаяния, чувства не интересуют ни мать, ни отца. У каждого из них свой «ресентиментный» роман: у отца — с Болезнью, у матери — с Обидой.

Так в повести раскрывается внутренняя причина нелюбви, неприятия, дошедшего до отвращения, молодой Людмилы к, казалось бы, верному и преданному однокласснику Косте. Эта сюжетная линия разворачивается по чеховским лекалам ситуации «оказалось — оказалось». Людмила не любит Костю именно за внутреннюю слабость, ущербную самость — он ее еще вроде бы не проявил, а она уже не полюбила. В этом не стоит видеть жесткий фатализм, это именно пред-определение, пунктиром намеченная версия судьбы, но совершить иной выбор можно всегда — Костя замыкается, бежит в болезнь, его инертность позволяет развернуться лжи. Горизонтальный женский родовой эго-вектор не корректируется мужской смысловой вертикалью. Его сын Ромка — человек долга, которого «ловят» на доверии, проявляет мужское «самостоянье» — учится «за двоих». Внутренний подростковый «раздрай» — не его испытание: Ромка целен, он мужественнее, внутренне сильнее отца. Костя — слабый, прячется в болезнь, комфорт, становится еще одним отприском «богини материнства», который подумать, позаботиться о другом, проявить самость, волю, ответственность не может.

Не физическая жертва рождения ребенка губит красоту Веры — холодный властный мстительный расчет, абсолютная уверенность в своей правоте, ложь «во спасение». Вера слепо верит в свою высокую миссию и непогрешимость, ищет самый высокий алтарь, чтобы принести себя в жертву, а это не что иное как гордыня и власть негативной версии «мы-сознания». Не случайно Вера «встраивается» в родовую систему ценностей. Непробиваемый наследственный оптимизм бабушки, матери рода, демонстрируется в кульминационной точке повести.

В повести «Вам и не снилось» авторитарная мать — личностный «синдром», отличающийся специфической конфигурацией архетипических установок, которые, будучи по своей природе бессознательными мотивами человеческой самореализации в мире, определяют жизненные ориентации героинь, их отношение к Другому, систему ценностей. Для Веры, матери Ромки, характерны агрессивность как доминирующий признак своеобразной психологической защиты, подозрительность, ксенофобия (боязнь всего «чужого» и незнакомого, воспринимаемого как источник опасности), гипертрофированное любопытство по отношению к знакомому (с широкой оценочной амплитудой — от брезгливости до зависти), ограниченность и скучность во всем (в деньгах, чувствах, эмоциональных проявлениях, мышлении), узость кругозора, преклонение перед прошлым, связанное с бессознательным ощущением нестабильности творимого им образа реальности. Авторитарная «Вера» может быть разной, но она неизбежно страшна в своей фанатичной слепоте.

Мама Юльки Людмила — также обладатель авторитарного сознания. Людмила тоже служит роду, семье, но эти ценности не нарушают провиденциального порядка. Для нее важно, что «скажут люди», немалая энергия тратится героиней на поддержание высокого статуса женской привлекательности. Но суть человека проявляется в испытании. Не «женское» самолюбивое эго, соревнующееся, кто более активен и продуктивен в своей жертвенности, движет Людмилой. Здесь Шекспир как бы встречается с Пушкиным: история любви двух подростков оказывается сюжетным «зеркальцем», раскрывающим внутреннюю тайну красоты.

Мама Людмила — «но царевна все ж милее» — кроткая душой. Она может преодолеть свой эгоизм, поэтому ее любят. Поэтому Костя, отец Ромки, выбирает между двумя красивыми девушками именно Людмилу, интуитивно угадывая, что за ней защита и сохранение живой жизни, предчувствуя, что за Верой — мертвичина самоутверждения.

Слушая письмо-пластинку — признание в любви, Людмила Сергеевна «плакала... Никогда она не любила Юльку так, как сейчас». В одном из эпизодов Юлька определяет свои ценностные приоритеты, где главное — Ромка, потом маленький братишко: «прижимая к себе голеного брата, подумала, что после Романа у нее на втором месте брат. А мама, оказывается, дальше? Стало жалко маму, Юлька посадила малыша в кроватку, пошла искать маму, чтоб как-то загладить эти несправедливые мысли» [9, С. 55–56]. Любовь проявляет в Юльке сочувствие, соучастие, понимание. Любовная коллизия сближает маму и дочку, рождает особое понимание-сочувствие, несколько потускневшее в суете повседневности. Юльке «стало жаль маму» — Людмила Сергеевна рыдает от «нестерпимой жалости к дочери», и по контрасту, в параллельной ситуации: «Вере стало мучительно жаль себя» [9, С. 59].

Первая реакция Людмилы на страдание дочери — сострадание, вторая реализуется в аспекте действия: чем помочь, как? В точке излома обнажается суть человека: Людмила просто переступает через свою «женскую гордость» («Людмила Сергеевна решила сходить к Вере на работу. ... Она собирала слова, которые скажет Вере. Людмила Сергеевна боялась только одного: что заплачет. Это как раз не нужно. Слезы — всегда в первую очередь горе, несчастье, а она хотела посечь в Вере радость. Она хотела, чтоб то состояние, которое она несла в себе, прослушав пластинку, стало и Вериным состоянием» [9, С. 76]). Только это «просто» никогда не бывает банально для каждого спасенного кротостью, пониманием, милосердием, деятельным сочувствием другого, на этом мир держится. Банально и предсказуемо только зло, добро же всегда парадоксально.

Заключение

Зеркальная симметрия композиции повести позволяет увидеть разницу этических потенциалов двух обладательниц авторитарного сознания. Для Веры, матери Ромки характерны холодный властный мстительный расчет, абсолютная уверенность в своей правоте, ложь «во спасение», слепая вера в свою высокую миссию и непогрешимость, ищет самый высокий алтарь, чтобы принести себя в жертву — гордыня, и власть негативной версии «мы-сознания», не случайно Вера встраивается в родовую систему ценностей: непробиваемый наследственный оптимизм бабушки, матери рода, демонстрируется в кульминационной точке повести. Мама Юльки, Людмила, так же обладатель авторитарного сознания, так же служит роду, семье, но эти ценности не нарушают провиденциального порядка. Для нее важно, что «скажут люди», немалая энергия тратится героиней для поддержания высокого статуса женской привлекательности. Но суть человека проявляется в испытании. Не женское самолюбивое это, соревнующееся, кто более активен и продуктивен в своей жертвенности, движет Людмилой. Здесь Шекспир встречается с Пушкиным: история любви двух подростков оказывается сюжетным «зеркальцем», раскрывающим внутреннюю тайну красоты. Мама Людмила — «но царевна все ж милее» — кроткая душой, может преодолеть свой эгоизм, поэтому ее любят: Костя, отец Ромки, выбирает между двумя красивыми девушками именно Людмилу, интуитивно угадывая, что за ней защита и сохранение живой жизни, предчувствуя, что за Верой — мертвичина самоутверждения. Как гений и злодейство — две вещи несовместимые, так и красота и злодейство несовместимы: в этой точке расходится внешняя привлекательность двух молодых мам, наличие/отсутствие красоты объясняется нравственным выбором геройн.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Гиренок Ф.И. Патология русского ума. Картография дословности / Ф.И. Гиренок. — Москва: Аграф, 1998. — 416 с.
2. Исупов Г.К. Космос русского самосознания: словарь / Г.К. Исупов. — Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2020. — 400 с.
3. Миннуллин О.Р. Введение в ценностно-онтологический подход к литературе: структура проблемного поля / О.Р. Миннуллин // Новый филологический вестник. — 2022. — № 1 (60). — С. 18–29.
4. Свitenko Н.В. Архетипическая «матрица» литературного образа «страшной матери» / Н.В. Свitenko // Юбилейное: вопросы истории, поэтики, интерпретации русской и зарубежной литературы: сб. тр. ученых-филологов КубГУ, посвященный литературным юбилеям: писатели, ученые, книги / Под ред. В.В. Сайченко, Н.В. Свitenko, Е.В. Сомова [и др.]. — Краснодар: Кубанский государственный университет, 2018. — С. 71–75.
5. Тюпа В.И. Модусы сознания и школа коммуникативной дидактики / В.И. Тюпа // Дискурс. — 1996. — № 1. — С. 17–22.
6. Тюпа В.И. Парадоксы уединенного сознания — ключ к русской классической литературе / В.И. Тюпа // Парадоксы русской литературы: Сборник статей / Под ред. В. Маркович, В. Шмид. — Санкт-Петербург: ИНАПРЕСС, 2000. — Вып. 3. — С. 174–193.
7. Тюпа В.И. Литература и ментальность: монография / В.И. Тюпа. — Москва: Юрайт, 2018. — 231 с.
8. Fromm E. Escape from Freedom / E. Fromm. — Moscow: Progress, 1990. — 272 р.
9. Щербакова Г.И. Вам и не снилось / Г.И. Щербакова. — Москва: Молодая гвардия, 1985. — 269 с.

10. Юнг К. Г. Психологические аспекты архетипа матери / К.Г. Юнг // Душа и миф. Шесть архетипов. — Киев: Порт-Рояль, 1996. — 384 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Girenok F.I. Patologiya russkogo uma. Kartografiya doslovnosti [The pathology of the Russian mind. Mapping literalism] / F.I. Girenok. — Moscow: Agraf, 1998. — 416 p. [in Russian]
2. Isupov G.K. Kosmos russkogo samosoznaniya: slovar' [The Cosmos of Russian Self-Awareness: A Dictionary] / G.K. Isupov. — Moscow: Centr gumanitarny'x iniciativ, 2020. — 400 p. [in Russian]
3. Minnillin O.R. Vvedenie v cennostno-ontologicheskij podxod k literature: struktura problemnogo polya [Introduction to the value-ontological approach to literature: structure of the problem field] / O.R. Minnillin // New Philological Bulletin. — 2022. — № 1 (60). — P. 18–29. [in Russian]
4. Svitenco N.V. Arkhetyipicheskaya «matritsa» literaturnogo obraza «strashnoi materi» [The archetypal ‘matrix’ of the literary image of the ‘terrifying mother’] / N.V. Svitenco // Anniversary: Issues of History, Poetics, Interpretation of Russian and Foreign Literature: Collection of Works by Philologists of Kuban State University, Dedicated to Literary Anniversaries: Writers, Scholars, Books / Ed. by V.V. Saichenko, N.V. Svitenco, Ye.V. Somova [et al.]. — Krasnodar: Kuban State University, 2018. — P. 71–75. [in Russian]
5. Tyupa V.I. Modusy' soznaniya i shkola kommunikativnoj didaktiki [Modes of consciousness and the school of communicative didactics] / V.I. Tyupa // Discourse. — 1996. — № 1. — P. 17–22. [in Russian]
6. Tyupa V.I. Paradoksi uedinennogo soznaniya — klyuch k russkoi klassicheskoi literature [The paradoxes of solitary consciousness — the key to Russian classical literature] / V.I. Tyupa // Paradoxes of Russian Literature: collection of articles / Ed. by V. Markovich, V. Shmid. — Saint Petersburg: INAPRESS, 2000. — Iss. 3. — P. 174–193. [in Russian]
7. Tyupa V.I. Literatura i mental'nost': monografiya [Literature and mentality: monograph] / V.I. Tyupa. — Moscow: Yurajt, 2018. — 231 p. [in Russian]
8. Fromm E. Escape from Freedom / E. Fromm. — Moscow: Progress, 1990. — 272 p.
9. Shherbakova G.I. Vam i ne snilos' [Could One Imagine] / G.I. Shherbakova. — Moscow: Molodaya gvardiya, 1985. — 269 p. [in Russian]
10. Jung C.G. Psikhologicheskiye aspeki arkhetipa materi [Psychological Aspects of the Mother Archetype] / C.G. Jung // Dusha i mif. Shest arkhetipov [Soul and Myth. Six Archetypes]. — Kyiv: Port-Royal. 1996. — 384 p. [in Russian]